

- Нужен разборный, чтобы можно было собирать и разбирать вручную. Днём, когда торгуем, мы его собираем, а вечером разбираем и уносим домой. На следующий день снова используем. — Цинь Хэ подробно объяснял мастеру Фэну, какой именно большой навес ему нужен для установки на улице. Но поскольку конструкция должна быть полностью разборной, мастер Фэн оказался поставлен в тупик.

Мастер Фэн с горестным выражением лица сказал:

— Куй-фулан, деньги от вас очень тяжело заработать. Каждый раз, когда вы приходите, обязательно придумаете мне новую задачку. И каждый раз всё нужно срочно.

Цинь Хэ невинно моргнул:

— Да нет же, в прошлый раз я просил сделать совсем простую вещь. Вы тогда уехали, и ваш старший сын даже не стал звать вас обратно, он сам мне всё сделал.

Мастер Фэн сердито покосился на своего старшего сына. Фэн-далан был совершенно невиноват, это не он принимал заказ, с чего это отец на него так смотрит.

— Если бы вы дали мне дней десять или хотя бы полмесяца, я бы, может, и смог что-нибудь придумать. Но не гарантирую, что точно получится. То, что вы хотите, звучит просто, но ведь конструкцию нужно разбирать. Обычные шиповые соединения тут не подойдут, придётся их переделывать.

- Не стану скрывать, я действительно тороплюсь. Пока этот навес не будет готов, мой муж не разрешает мне выходить торговать. Дядя Фэн, вы же знаете, какие у нас дела, тут дело не только в том, что за каждый пропущенный день мы недособираем деньги. Я ещё боюсь, что подражатели догонят. Если они на день раньше наладят выпуск и успеют занять рынок, а я, настоящий хозяин товара, не появлюсь, меня вполне могут вытеснить.

Мастер Фэн недоумённо спросил:

— Почему, если нет навеса, нельзя выходить торговать? Какая между этим обязательная связь?

От наивно-искреннего выражения его лица у Цинь Хэ вдруг вспыхнули уши. Он смутился и не смог прямо сказать настоящую причину. Прочистив горло, выбрал более мягкое объяснение:

— У меня слабое здоровье. Зимой очень холодно, целый день стоять на улице и продавать тело не выдерживает.

Мастер Фэн сразу выпалил:

— Так это Куй-далан тебя жалеет.

Хотя так оно и было, но услышать это вслух, да ещё так прямо, заставило Цинь Хэ покраснеть до корней волос. А мастер Фэн не унимался, всё ещё ворчливо добавляя:

— В городе-то все говорят, будто Куй-далан - страшный, свирепый, как Ша-шэнь, кто бы мог подумать, что, как только женился, так прямо души в своём шуаньэре не чаёт. Как будто жалеет, что в холодный день не может прямо за пазуху его спрятать.

Чем дальше он говорил, тем более неподобающим это становилось. Цинь Хэ не выдержал:

— Мастер Фэн!

Мастер Фэн взглянул на Куй У и махнул рукой:

— Ладно уж. Ради того, что Куй-далан так заботится о своём фулане, я свожу вас к одному человеку. Возможно, он сможет помочь.

Фэн-далан удивлённо спросил:

— Отец, вы про шибо? Но ведь после того, что случилось с невесткой, шибо сам себе запретил касаться ремесла и поклялся больше никогда этим не заниматься!

Мастер Фэн тяжело вздохнул и сказал Цинь Хэ:

— Вот именно потому, что Куй-далан так за вас переживает, я и согласился спросить. Иначе бы даже не стал поднимать этот вопрос.

Цинь Хэ осторожно уточнил:

— А что же произошло с вашим шибо, дядя Фэн?

Мастер Фэн, словно отягощённый воспоминаниями, ответил:

— У нашего учителя было семь учеников. Когда учитель скончался, мы, семь братьев по ремеслу, разошлись кто куда. Мой старший брат-ученик уехал в столицу. Он человек крайне сообразительный, особенно в устройстве всевозможных механизмов и приспособлений. И грамоте он учён, любил читать. Вопреки предсмертному запрету учителя, он тайком начал изучать «Книгу Лу Бана». А «Книга Лу Бана» - это не то, что обычному человеку по силам.

Но шибо не слушал ни уговоров, ни предупреждений. Упёрся и стал изучать. И, надо сказать,

благодаря природной одарённости ему действительно удалось постичь кое-какие её тайны. Это позволило ему продвинуться в искусстве механизмов ещё дальше.

Дойдя до этого места, на лице мастера Фэна не было и следа гордости, только тяжёлая печаль.

— Потому его слава в столице росла всё быстрее, — продолжил он. — О нём стали говорить повсюду. Многие знатные семьи приглашали его тайно устраивать механические ловушки и потайные комнаты. Механизмы, которые делал мой старший брат-соученик, были настолько тонкими и скрытными, что если заранее не знать о них, хоть землю рой, не найдёшь. Скорее всего, заденешь ловушку: или сразу умрёшь, или разрушишь все спрятанные там ценности. Всё в итоге превратится в прах, и труды будут напрасны.

— И вот, когда его имя звучало громче всего, его пригласил один знатный человек для создания погребальной усыпальницы. Старший брат подумал тогда, что это обычный богач. Но когда он приступил к делу и увидел размах и параметры усыпальницы, то понял: этот человек вовсе не прост. Тогда у него и появилось дурное предчувствие. Внешне он делал вид, что ничего не замечает, а тайно стал готовить бегство и искать людей, чтобы переправить шисао в безопасное место. К тому времени шисао была на третьем месяце беременности.

— Он действовал очень скрытно. Но когда они с шисао всё-таки попытались бежать, несмотря на всю осторожность, люди, следившие за ним по приказу того человека, всё же заметили. Им удалось вырваться, но ценой почти собственной жизни. Шисао потеряла их первого ребёнка... А лекарь тогда сказал, что сможет ли она когда-нибудь вновь забеременеть, это уж как небеса решат.

Глаза мастера Фэна покраснели; видно было, как глубоко он переживает за старшего брата.

— Старший брат и его жена очень любили друг друга, — в голосе мастера Фэна звучала горечь. — Они столько лет ждали ребёнка... Насколько он его ждал, словами не передать. И вот, когда малыш наконец появился, всё кончилось из-за него самого. Старший брат тогда желал умереть вместо них обоих.

Фэн вздохнул:

— И именно поэтому наш учитель и запрещал нам изучать «Книгу Лу Бана».

Цинхэ удивлённо моргнул:

— А при чём здесь «Книга Лу Бана»?

Мастер Фэн пристально посмотрел на него и медленно сказал:

— Жена и сын самого Лу Бана погибли именно из-за тех хитроумных механизмов, что он

изобретал.

С тех пор и появилась эта карма.

Он продолжил, понижая голос:

— Говорят, Лу Бан создал деревянную птицу, на которой человек мог лететь по небу, пользуясь лишь силой ветра. Он долго не позволял жене и сыну летать на ней. Но однажды, когда он ушёл на далёкую стройку, они соскучились и всё же полетели к нему. Дорога, занимавшая несколько дней, заняла всего мгновение. Они благополучно добрались, и тогда Лу Бан впервые расслабился и разрешил им пользоваться деревянной птицей.

— А трагедия случилась именно после этого. Когда жена и сын снова взлетели, произошло несчастье, и оба погибли. Лу Бан остался один, и проклял собственные знания. С тех пор говорят: кто изучает книгу Лу Бана, тому предначертано: овдоветь, потерять детей, остаться одиноким или искалеченным.

Одно из пяти непременно.

Мастер Фэн вздохнул ещё тяжелее:

— Старший брат посчитал, что его собственная беда - то самое «овдовение», только он успел спасти шисао. Чтобы изменить судьбу, он отрубил себе кончик пальца, надеясь «заменить вдовство на увечье». И поклялся больше никогда не открывать книгу Лу Бана и не прикасаться к столярному делу.

Цинь Хэ слушал, и сердце у него стянулось. Горло будто перехватило, настолько горькой была история.

Мастер Фэн тихо добавил:

— А уж то, как Куй-фулан заботится о тебе... Это такая же глубокая, настоящая привязанность, как у моего старшего брата к его жене. Может быть, ради этого он и согласится вам помочь. Но я не смею обещать, — он покачал головой. — Если бы не эта причина, то какими бы красивыми словами ни упрашивать, он бы не пошёл на встречу.

Цинь Хэ поклонился:

— Спасибо вам, дядя Фэн.

— Пойдёмте, — сказал мастер Фэн, — попробуем. Получится - хорошо, не получится, я тоже не в силах его заставить.

Фэн повёл Цинь Хэ и Куй У к дому своего старшего брата-соученика. Фамилию этого старшего брата он называть не хотел. Тот, спасаясь, бежал в Дишуй и жил под ложным именем. Для всех он числился дальним родственником семьи Фэн, поэтому и носил «фамилию» Фэн.

Жил мастер в крошечной деревушке за городом, в соломенной хижине, где через стены свистел ветер, а когда на дворе валил снег, внутри тоже сыпались мелкие снежинки. Настоящая бедность - пусто, холодно, полы промерзают насквозь.

К брату-соученику он отнёсся тепло... до тех пор, пока не услышал, зачем тот пришёл. Лицо его потемнело, и он мгновенно захлопнул дверь прямо перед носом гостей. Даже внутрь не пустил.

— Муж? — раздался изнутри голос женщины. — Это ведь брат, правда? Я слышала его...

— Нет, — поспешно сказал мастер, — ты ослышалась. Не он. Иди в дом, холодно же, тебе нельзя мёрзнуть, ты знаешь!

Снаружи мастер Фэн торопливо закричал:

— Старшая невестка, это точно я!

Женщина тут же хотела открыть дверь, но брат Фэн неожиданно резко и упрямо удержал её.

— Ты знаешь, ради чего он пришёл? Он хочет, чтобы я снова занялся теми вещами! Жена, это все равно что требовать твоей смерти! Как я могу согласиться?!

Мастер Фэн поспешно сказал:

— Нет же, старшая невестка, совсем не так! Я лишь прошу старшего брата помочь с самой обычной столярной работой, ни о каких механизмах речи нет. А пришёл я только потому, что заказчик очень жалеет своего фулана: сказал, что пока вещь не будет сделана, тот и дня не сможет торговать. Сердце у него такое же, как у старшего брата к вам. Если бы не это, я бы и слова не осмелился сказать.

— Ладно уж, — вздохнула жена мастера. — Пусть зайдут. Не хочешь помогать - это одно, но гости уже на пороге, нельзя же встречать их так, чтобы даже воды не предложить. Муж, хоть мы и обнищали, но ведь не до такой степени, чтобы забывать про обычное гостеприимство.

В конце концов старший брат открыл дверь и впустил их, хотя лицо его оставалось мрачным, а взгляд, которым он сверлил мастера Фэна, говорил о том, что ему и вправду хотелось врезать младшему брату по полной.

Мастер Фэн, чуя недоброе, втянул голову в плечи и юркнул внутрь. Жена мастера поспешила было налить гостям по чашке воды, но, зайдя на кухню и открыв крышку кадки, увидела, что вода там полностью застыла льдом - не расколоть. Это было неудивительно: дров в доме они почти не жгли, жалели каждую вязанку, как же воде не замёрзнуть?

Когда-то, в годы славы мужа, она и понятия не имела о таких тяготах. Но теперь... Пусть дом и обветшал, пусть бедность давит, но они вдвоём, живые. Она не боялась трудностей. Боялась другого: что муж так и останется погребённым под тяжестью утраты, изо дня в день тоня в горе, не поднимая головы.

Она знала - он до сих пор любит своё ремесло. Она хотела лишь одного: чтобы он снова нашёл в себе силы поднять резец, пусть не ради хитроумных ловушек, а ради простой честной плотницкой работы. А если не плотничество, то другое дело, которое ему по душе. Лишь бы у него снова появился путь вперёд, лишь бы сердце его перестало быть мёртвым.

Мастер Фэн сегодня привёл людей именно потому, что жена старшего брата тайком попросила его об этом.

— Простите... вода в доме вся замёрзла, — смущённо сказала она.

Цинь Хэ поспешно замахал руками:

— Ничего-ничего, садитесь скорее.

Но сам он сидеть почти не мог - скамейка под ним была ледяная. С тех пор как он вышел замуж за Куй У, он уже и забыл, что такое настоящая нужда. И вот теперь, неожиданно, он даже не знал, как усидеть на этом промерзшем табурете.

Мастер Фэн и добрым словом, и строгим уговаривал старшего брата целую кучу времени. Но тот был железно упрям: ни в какую, насмерть отказывался. Жена старшего брата тоже ничего не могла поделать - во всём остальном её муж слушал, а вот в этом словно глухнет.

Цинь Хэ, видя, что дела не будет, тихонько сказал мастеру Фэну:

— Может, ну его... пойдём домой, придумаем ещё что-нибудь.

Мастер Фэн тяжело вздохнул:

— Похоже, так и придётся.

Когда они вышли из дома старшего брата, мастер Фэн сказал:

— Я ведь хотел лишь помочь старшему брату... У них там и вправду тяжко. Он не берётся за столярную работу, а зимой-то какие ещё занятия есть? С зерном я помочь могу, но... дом-то? Разве то жильё? Да и старшая невестка больная, ей в таком месте жить нельзя...

Вдруг Куй У остановился.

— Далан, что случилось? — спросил Цинь Хэ.

Куй У ответил:

— Вы идите вперёд, мне нужно отойти.

Цинь Хэ ничего не заподозрил, кивнул и вместе с мастером Фэном медленно пошёл дальше. А Куй У повернул обратно к дому старшего брата Фэна.

Тот увидел, что тот вернулся, и его лицо сразу потемнело:

— Что бы ты ни хотел сказать, я всё равно не передумаю. Пусть ты и похож на меня - тоже ради своего супруга делаешь... Но именно поэтому ты должен понимать меня.

— Нет, я тебя не понимаю, — холодно сказал Куй У.

Старший брат Фэн не ожидал такого ответа. Он замер, затем медленно поднял своё мрачное лицо и посмотрел на Куй У.

Куй У резко усмехнулся:

— Я не похож на тебя. Я не такой. И что бы ни случилось, я никогда не позволю своему фулану жить в беде. Никогда не доведу до того, чтобы ему было так тяжело, что и горячей воды в доме нет.

Старший брат Фэн будто хотел возразить - губы дрогнули, несколько раз сомкнулись и разомкнулись... но ни слова он так и не смог произнести.

Куй У стал ещё холоднее. Он усмехался старшему брату Фэну презрительной, режущей усмешкой:

— Ты разве не знаешь, что твоя жена после выкидыша стала слабой и ей нельзя мёрзнуть? Ты ведь знаешь, только что ещё лицемерно говорил ей, чтобы не выходила на холод. Но толку-то? Что, в доме теплее, чем на улице? Нет. Запомни: если твоя жена сейчас слаба или, не дай небеса, заболит тяжело в будущем - это всё из-за тебя. Потому что ты бесполезен, упрям и

глуп; потому что у тебя нет ни умения, ни заработка, и ты сам губишь её!

— Она... она не пострадает! Я не позволю ей пострадать! — глаза старшего брата Фэна налились кровью, он так взвёлся, что будто готов был броситься на Куй У.

Куй У даже не дрогнул. Он продолжил ещё жестче, словно вбивая гвозди в рану:

— Ты «не позволишь»? А что толку от твоих слов? Если бы твоя решимость хоть что-то значила, ваш ребёнок не умер бы!

Эти слова были как самое острое лезвие, безжалостно воткнувшееся в сердце старшего брата Фэна и провернувшееся там. Мужчина рухнул на колени и разрыдался как ребёнок - громко, безутешно, всем своим сломанным существом.

Куй У, виновник его падения, даже не повернул головы. Ни слова утешения, ни жеста сожаления, только решительный разворот и уход.

Если бы не то, что старший брат Фэн, подобно ему, всю душу отдавал жене, Куй У и вовсе бы не стал вмешиваться. То, что он сказал вообще хоть что-то, было уже редким исключением.

По дороге обратно мастер Фэн всё вздыхал, повторяя одно и то же о своём старшем брате по учёбе. Когда они добрались до города, дороги разошлись: мастер Фэн ушёл к себе домой. Фэн-далан тут же подскочил к нему с вопросом:

— Шибо согласился?

— С таким характером, как у твоего шибо, он бы когда согласился? — устало выдохнул мастер Фэн.

Фэн-далан поник:

— И что же делать... У шибо ведь сейчас совсем нет работы, дома, наверное, и зерна уже не осталось. Через пару дней опять мама понесёт им еду?

Остальное он не стал произносить вслух. Их и так целая большая семья, ведь невозможно бесконечно содержать чужой дом. Фэн-далан не был бессердечным. Просто когда он родился, все ученики мастера его отца уже давно разошлись по разным местам. Если бы шибо не спасался бегством и не оказался в Дишуе, Фэн-далан вообще бы не знал о его существовании. Для него шибо почти посторонний человек, внезапно появившийся и нуждающийся, чтобы их семья его кормила.

Как он может не испытывать недовольства? Они ведь не богатый дом: в семье ещё два брата, у

каждого жена, и по три-четыре ребёнка на руках. Столько ртов нужно кормить, каждая лишняя ложка, отданная шибо, значит, отнята у собственных жён и детей.

Мастер Фэн прекрасно знал, что творится у сыновей на душе. Он и ругал их, но наказать рука не поднималась. Это его старший брат по учёбе, именно он связан с ним узами прошлого и чувствует за него ответственность. Сыновья же и так делят с ним зерно, да ещё когда-то дали шибо деньги на обустройство исключительно ради уважения к отцу. Чего ещё он вправе от них требовать? Оставалось лишь надеяться, что старший брат наконец образумится, пока ещё не случилось беды с женой, иначе сожалеть будет поздно.

Мастер Фэн как раз мучился мыслями, когда в ворота постучали. Фэн-далан пошёл открыть дверь и, увидев гостя, опешил.

— Шибо? Как вы здесь? Отец же только что от вас вернулся!

Старший брат Фэн неловко кивнул:

— Да... Я пришёл по делу к твоему отцу. Он дома?

— Дома, проходите.

Когда мастер Фэн увидел вошедшего, он тоже изумился:

— Брат, что тебя привело?

Тот ответил:

— Я хочу взглянуть на тот самый большой навес, что хотел сделать хозяин из семьи Куй.

Мастер Фэн обрадованно воскликнул:

— Так ты готов снова взяться за работу?

Но старший брат Фэн покачал головой:

— Я сказал, что больше не притронусь к этому ремеслу, и слова не нарушу. Но подсказать вам могу, идеи набросать тоже. А уж работу и оплату - всё оставляю тебе. Так я не нарушу клятву.

— Брат... ты...

— Хватит, — перебил старший брат Фэн. — Сначала подробно расскажи, что именно нужно семье Куй. Об остальном поговорим, когда вещь будет сделана.

Мастер Фэн больше не уговаривал брата. Оба закрылись в комнате и принялись обсуждать конструкцию. И вскоре старший брат понял: дело-то вовсе несложное, и его младший сам смог бы справиться. Просто тот нарочно привёл людей к нему, чтобы дать старшему шанс вновь взяться за работу и прийти в себя.

Но вслух он ничего не сказал, только подсказал несколько идей и ушёл.

На следующий же день, к удивлению Цинь Хэ, мастер Фэн принёс уже готовую конструкцию.

— Это брат помог, — сказал мастер Фэн. — Сам работать отказался, но подсказал, как лучше.

Цинь Хэ кивнул, заплатил мастеру Фэн двести вэней, и они вдвоём отправились покупать мешковину - не обычную одежную, а такую, из которой делают мешки. Она теплее и плотнее, лучше для навеса. Потом зашли в кузницу и купили два небольших железных котелка: один - для варки пельменей, второй - для жарки шуйцзяньбао. В угольной лавке взяли небольшой мешок угля.

Дальше оставалось только дожидаться, пока Куй У подберёт подходящее место, и можно будет открывать торговлю. Теперь, когда у них появилась большая палатка, торговать перед лавкой ху уже было нельзя: навес перекрывал бы ему весь фасад.

Через три дня Куй У нашёл место. Это была главная улица, соединяющая внешний и внутренний город, ведущая прямо к Чжицымун - самая оживлённая в округе. Чтобы заполучить участок, Куй У задействовал связи, заплатил немалую сумму и, к счастью, успел как раз вовремя.

Накануне вечером они купили у мясника Чжоу по пять цзиней свинины и баранины, два цзиня бараньих потрохов и ещё три цзиня свиной кожи. Кожу сварили до густого холодца, нарезали кубиками и вмешали в фарш - именно он давал тот сочащийся бульон, который выплёскивался из шуйцзяньбао при укусе.

Начинки для шуйцзяньбао было четыре: свинина с капустой, чистая свинина, баранина с редькой, чистая баранина. И цены на них шли по возрастианию: за тарелку - восемь, десять, двенадцать и пятнадцать вэней соответственно.

Пельмени же, помимо перечисленных начинок, имели ещё один вид - «три свежести»: свинина, яйцо и креветка. Продавались они не по тарелкам, а по весу: в одном цзине выходило около тридцати штук. Цена была выше на пять-восемь вэней за цзинь, в зависимости от вида начинки.

Пельмени и шуйцзяньбао они налепили ещё накануне по сотне каждого вида.

Когда Цинь Хэ и Куй У вышли торговать, это вызвало настоящий переполох. Сначала, когда они только катили одноколёсную тележку, прохожие и соседи по ряду недоумённо разглядывали груз - понять было трудно.

Печку люди, конечно, знали: без неё в торговле никуда. Но вот эти деревянные балки... Для растопки они слишком уж ровные и одинаковые, явно сделанные специально.

Но стоило Куй У за несколько мгновений собрать из этих деталей целое помещение, как все вокруг - и торговцы, и прохожие - замерли в потрясении. Что это ещё такое? Как можно — раз! — и собрать домик?

Следом Куй У внёс печку внутрь, разжёг огонь, и в палатке стало тепло, будто весной. Даже теплее, чем в домах у бедняков.

Перед палаткой стоял прилавок, тоже собранный из деревянных секций, высотой по пояс. Прилавок был разделён на ячейки, закрытые крышками. Сверху на крышках лежали лишь образцы - их не продавали, они были только для вида. Если кто-то хотел купить, крышку поднимали, и товар доставали из ячейки.

В передней части большого шатра установили дощечку, на которую прикрепили красную ткань с надписью «Закуски семьи Куй». Ниже были перечислены все блюда и их цены.

Так как это был первый день, и люди ещё не знали, что они продают, Куй У оставил фулана в палатке, а сам вышел наружу зазывать покупателей.

Ху Дачжи был чиновником, служил писарем в управе. Жалованье получал: один цянь триста вэней в месяц, да ещё кое-какие подработки. В доме жена, старуха-мать и восьмилетний сын - жить можно без нужды. Потому и завтракал он обычно не дома: по дороге в управу ел то, что нравилось.

Подойдя к привычной лепёшечной лавке, он увидел рядом... домик, накрытый мешковиной. С чего это кто-то поставил тут дом?

Ху Дачжи, по служебной привычке, решил разобраться. Но, присмотревшись, понял: это вовсе не дом, а шатёр, внутри которого продают шуйцзяньбао и пельмени.

— Господин чиновник, что будете? — шуаньэр, увидев слегка растерянного Ху Дачжи, ничуть не испугался его чиновничьей одежды, а наоборот, сразу включился в торговлю. — У нас есть шуйцзяньбао с бараньим фаршем - необыкновенно вкусные! Кусаешь, и горячий бульон прямо льётся, наваристый, ароматный, долго не забывается. А если ещё и запить чашкой горячего супа из бараньих потрохов - вот это настоящий завтрак!

Изначально Ху Дачжи собирался перекусить всего на пару вэней и съесть привычную лепёшку. Но, оказавшись в тёплом уютном шатре, выходить уже не хотелось. Вдруг стало жалко себя прежнего - бродить по улице и грызть холодную лепёшку...

Ху Дачжи огляделся и сказал:

— Дайте мне порцию с бараньим фаршем. А сколько стоит суп из бараньих потрохов?

Шуаньэр улыбнулся:

— Если отдельно, то пятнадцать вэней за чашку. Но если вы берёте и шуйцзяньбао, и суп - считаем как набор, вместе будет двадцать семь вэней.

Ху Дачжи сжал губы - дороговато. Хоть его семья и не бедствует, но тратить под тридцать вэней на один завтрак жалко.

Шуаньэр заметил его колебания и предложил:

— Можно выпить чашку горячего молочного порошка. Всего три вэня за чашку, тоже горячее и не хуже супа.

— Горячий молочный порошок? — Ху Дачжи удивился.

Шуаньэр достал маленькое деревянное ведёрко. Внутри лежал совочек, а под ним — белый с желтоватым оттенком порошок, похожий на муку. Но Ху Дачжи понял: мука так пахнуть не может - от ведёрка тянуло густым молочным ароматом. Теперь он догадался, что такое «молочный порошок».

Шуаньэр добавил:

— Если хотите взять с собой, за пять вэней можно наполнить ваш фляжку горячим молочным порошком.

Такой вариант Ху Дачжи как раз устраивал - попробовать новинку и недорого. Он сказал:

— Тогда дайте мне тарелку шуйцзяньбао с бараньим фаршем, и наполните мою флягу этим горячим молочным порошком.

<http://bllate.org/book/13598/1205847>